

Романова Татьяна Владимировна

Нижегородский филиал Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
Россия, 603014, Нижний Новгород, Сормовское ш., 30
tvromanova@hse.ru

Хоменко Анна Юрьевна

Нижегородский филиал Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
Россия, 603014, Нижний Новгород, Сормовское ш., 30
akhomenko@hse.ru

Функционирование элементов семантического поля социальная значимость в русском и английском языках по данным словарных и корпусных источников

Для цитирования: Романова Т.В., Хоменко А.Ю. Функционирование элементов семантического поля *социальная значимость* в русском и английском языках по данным словарных и корпусных источников. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2020, 17 (1): 49–73. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.104>

Содержанием данной статьи является определение места элементов семантического поля «социальная значимость» в русском и английском языках (рассмотрены британский и американский варианты) путем интеграции результатов традиционных, в том числе дефиниционных, методов анализа и современного, корпусного подхода к изучению языка. С помощью методик статистического анализа и инструментов компьютерной лингвистики определено место элементов *имидж/image*, *престиж/prestige*, *статус/status* в составе рассматриваемого семантического поля. В статье отражены особенности функционирования центральных элементов *статус/status* в составе семантического поля «социальная значимость» в русском, британском и американском английском языках по данным словарей и корпусов, представлены сопоставительная характеристика семантики и анализ синтагматических и парадигматических отношений компонентов указанного семантического поля на материале данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ), Британского национального корпуса (BNC) и Корпуса современного американского английского языка (СОСА), а также некоторых других инструментов компьютерной лингвистики, в том числе больших корпусов семейства «Аранеум» (Aranea family). Целью исследования является критический анализ гипотезы о том, что сопоставление сходств и различий в репрезентации элементов семантического поля в разных языках наиболее релевантно производить посредством применения сочетания традиционных и инновационных методик. В ходе исследования рабочая гипотеза подтвердилась: именно сочетание традиционных и инновационных методов анализа при исследовании структуры семантического поля дают наиболее полные и объективные результаты. Более того, выявленные с помощью описываемой схемы особенности анализируемого семантического поля в сравниваемых языках могут быть рассмотрены

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-31-27001 «Лингвистическое моделирование как инструмент атрибуции текста».

как маркеры различия национальных языковых картин мира и культур. В результате работы были получены и визуализированы структуры семантических полей *статус/status* в русском, британском и американском английском языках.

Ключевые слова: *статус/status*, социальная значимость, семантическое поле, национальный корпус текстов, корпуса больших данных.

Введение

Практической целью настоящего исследования явилась корректировка семантики некоторых языковых единиц с учетом данных корпусов разных языков. Важно, что подобная корректировка предвдваряет процесс структурирования семантических полей, который, в свою очередь, есть обязательный этап собственно когнитивного, концептуального анализа [Попова, Стернин 2007]. С помощью информации, содержащейся в корпусах и иных сетевых источниках, а также методик статистического анализа были определены места элементов *имидж/image*, *престиж/prestige*, *статус/status* в составе семантического поля «социальная значимость» в русском и английском языках. Для всех языков элемент поля *статус/status* был определен как центральный. Далее были проведены сопоставительная характеристика семантики и анализ синтагматических и парадигматических отношений центрального компонента указанного семантического поля. Необходимость анализа русского и двух вариантов (британского и американского) английского языка мотивирована желанием авторов наглядно показать, что возможно выявлять различия национальных языковых картин мира с помощью лексикографического анализа, совмещающего традиционные и компьютерные методы и методики. Так, для исследования были выбраны три языковые культуры: русская, британская и американская. Обращение к вариантам английского языка обусловлено исходным предположением об их лингвокультурном различии на исследуемом лексическом отрезке.

В процессе анализа теоретического материала исследователи столкнулись с ситуацией терминологических расхождений в двух языковедческих традициях, русскоязычной и англоязычной. В связи с этими расхождениями было принято решение подробно осветить вопрос терминозамещения в двух научных школах. Сделано это было в том числе в силу того, что различия в терминологическом аппарате, наравне с различиями в видах функционирования лексических единиц в языке, показывают разные пути ментального освоения действительности представителями разных языковых культур.

В качестве материала для исследования было выбрано семантическое поле «социальная значимость» и элементы, относящиеся к узлу *статус/status*, в русском языке, британском и американском английском языках. Выбор обусловлен неуклонно растущим интересом науки, в том числе науки о языке, к актуальным состояниям социума.

Принципы семантического членения словарного состава языка. Терминологические различия

Полевой подход к описанию явлений языка получил в современной лингвистике широкое распространение. Зародившийся в семасиологии и связываемый

с именами В. Порцига [Порциг 1964], Г. Ипсена, Й. Трира, этот подход распространился на широкий круг явлений: лексические группы, или парадигмы, парадигматические поля (Й. Трир, У. Гуденаф, Ф. Лаунсбери, Э. Косериу), синтаксические поля (В. Порциг, Л. Вейсгербер), грамматические поля (В. Г. Адмони), грамматико-лексические поля (Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс), функционально-семантические поля (А. В. Бондарко) и др.

В англоязычной лингвистике на современном этапе ее развития параллельно существуют два термина: *семантическое поле* (*semantic field*) и *лексическое поле* (*lexical field*). В работах последних десятилетий два данных термина в основном рассматриваются как синонимичные [Zhou 2001: 30; Chunming, Bin 2013: 2030].

Родоначальник теории лексического поля Й. Трир (J. Trier) излагает в монографии «Немецкая лексика понятийной области интеллектуальных свойств. История языкового поля с древнейших времен до начала XIII в.» основные постулаты полевой структуры лексического состава языка и выделяет структурные особенности лексического (семантического, концептуального) поля:

Семантические поля — это живые организмы, представляющие собой нечто между словами речи индивида и кодифицированным словарным составом языка; как части целого они разделяют со словами свойство быть интегрированным в более крупную структуру (*sich ergliedern*), а со словарем — свойство быть структурированным в виде меньших единиц (*sich ausgliedern*) (цит. по: [Lyons 1977: 253]).

Особенностью концепции Й. Трира является убежденность в том, что каждое поле имеет устойчивую структуру (поэтому изменение одного слова ведет к изменению структуры всего поля) и четкие связи между единицами; также недопустимо появление лакун, незаполненных слотов поля, а само поле — это замкнутая структура (недопустимо пересечения полей друг с другом).

Разработку теории Й. Трира продолжил Л. Вайсгербер. Значение слова им рассматривается как функция от семантических отношений слова с другими членами поля [Вайсгербер 1993]. В структурной семантике и сопряженной с ней теории семантического поля отдельные концепты (и, соответственно, значения обозначающих их лексических единиц) рассматриваются не как самостоятельные феномены, существующие где-то в мире «до и вне языка» и ожидающиеся своих обозначений, а как создаваемые языком «духовные объекты», структурирующие действительность.

В соответствии с современной концепцией теория семантического поля разработана не только с точки зрения общих свойств его структуры, но и с позиций: а) иерархии его компонентов и их структурирующих и смыслообразующих свойств; б) соотношения компонентов поля с действительностью [Brinton 2000: 112].

Тем не менее многие англоязычные ученые постулируют, что на данном этапе развития лингвистическая наука не пришла к единому определению семантического (лексического, концептуального) поля, равно как и не определила точный перечень его составляющих компонентов [Majid 2015].

Итак, в англоязычной лингвистической школе существует несколько терминов, служащих для обозначения полевых структур языка и часто употребляемых как полные синонимы: *лингвистическое поле* (*linguistic field*), *лексическое поле* (*lexical field*), *концептуальное поле* (*conceptual field*), *семантическое поле* (*semantic*

field). Термин *лингвистическое поле* не распространен в современной семантике, хотя именно он был использован основателем теории семантических полей (как она поименована сейчас) Й. Триром [Kleparski, Rusinek 2007: 189]. Немецкоязычный термин *Wortfeld* в англоязычной литературе переводится как *lexical field* (*лексическое поле*) и как *word-field* (*словарное поле*) [Lieb 1978: 66–67].

Именно наименование *лексическое поле* наряду с термином *семантическое поле* прочно вошло в теорию семантического поля. Как уже отмечалось, эти термины на данном этапе развития англоязычной науки почти всегда употребляются как синонимы. Одновременно в русскоязычной семантике существует один термин, интегрирующий сразу два понятия: *лексико-семантическое поле*.

Лексико-семантическое поле — совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений [ЛЭС 1990: 380].

Для этого поля постулируется наличие общего (интегрального) семантического признака, объединяющего все единицы и обычно выражаемого лексемой с обобщенным значением (архилексемой), напр. признак «перемещение в пространстве» в семантическом поле глаголов движения (*идти, бежать, ехать, плыть, лететь* и т. п.), и наличие частных (дифференциальных) признаков (от одного и более), по которым единицы поля отличаются друг от друга, напр. «скорость», «способ», «среда» передвижения [Там же].

Теорию лексико-семантического поля в русскоязычной лингвистике разрабатывали такие ученые, как В. А. Звегинцев [Звегинцев 1957], А. А. Уфимцева [Уфимцева 1968], Г. С. Щур [Щур 1974], В. Г. Гак [Гак 1977] и др. По мнению Уфимцевой, система лексико-семантического характера представляется как некий синтез, в результате которого возникает сложное и многогранное взаимодействие слов в их конкретных значениях по двум сторонам: номинативной классификации (парадигматика) и линейной лексической сочетаемости (синтагматика) [Уфимцева 1968].

Важной отличительной особенностью русскоязычной семантической школы является наличие термина, отсутствующего в англоязычной науке. Это термин *лексико-семантическая группа* (ЛСГ). Лексико-семантическая группа есть видовое понятие для родового понятия «лексико-семантическое поле», т. е. лексико-семантическая группа есть составная часть лексико-семантического поля (рис. 1).

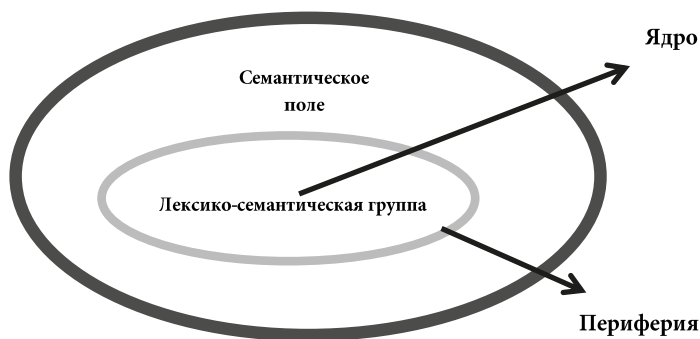

Рис. 1. Структура лексико-семантического поля

Теория ЛСГ серьезно разработана в исследованиях уральской лексикографической школы [Кузнецова 1978; 1989; Глагол 1990]. Так, Э. В. Кузнецова отмечает, что

ЛСГ слов не представляет собой четко и однозначно разграниченных классов лексических единиц. Это такие соединения слов, которые взаимно проникают друг в друга, накладываются друг на друга. И это не дает оснований для сомнений в системном характере лексики [Кузнецова 1978:7].

Л. М. Васильев указывает на то, что

термином *лексико-семантическая группа* можно обозначить любой семантический класс слов (лексем), объединенных хотя бы одной общей лексической парадигматической семьей или хотя бы одним общим семантическим множителем [Васильев 1971: 45].

Лексико-семантическая группа, согласно определению В. М. Супруна, представляет собой

сегменты словарного состава языка (парадигмы), объединяющие лексемы с одинаковой предметной направленностью и однородной семантикой, обладающие общим главным интегрирующим семантическим множителем (инвариантом), относящиеся к одной и той же части речи и характеризующиеся синонимическими (в широком смысле) и антонимическими отношениями между отдельными членами сегмента [Супрун 1983: 6].

При этом парадигматика, состав каждой группы изменчивы. Именно на это свойство лексико-семантической группы опирается Ф. П. Филин, который понимает ЛСГ как результат исторического развития языка [Филин 1993: 233].

Отметим, что в англоязычной лингвистике понятие «семантическая группа» практически не используется, а если и используется, то для обозначения лингвистических реалий, абсолютно отличных от русскоязычных: семантическая группа оказывается родовым понятием для семантического типа, объединяет в себе несколько семантических типов, т. е. является гиперонимом для гипонима *семантическое поле* [Bodenreider, McCray 2003: 414].

Это обусловлено тем, что каждый народ имеет свои принципы членения внешнего мира, свой взгляд на окружающую действительность, поэтому семантические системы разных языков не совпадают [Васильев 1971], в том числе проявляется это несовпадение и в терминосистеме.

Вопросам культурной специфичности лексических единиц русского языка посвящены исследования Ю. Н. Караулова (напр.: [Караулов 1976]); лингвоспецифичности понятий с точки зрения «семантического метаязыка» — работы А. Вежбицкой (напр.: [Вежбицкая 1999]).

В своем исследовании мы соединим наработки обеих методических школ, русскоязычной и англоязычной: для обозначения класса лексических единиц, входящих в состав некоей группы, объединенной дихотомией общности и дифференциальной природы компонентов, мы будем использовать термин *семантическое поле*, а структурировать это поле будем в соответствии с постулатом наличия в составе поля лексико-семантических групп.

Методики полевого исследования и базы для анализа

Сложную и пока еще не решенную проблему представляет раскрытие функциональной организации семантического поля. Ее решение позволит представить структуру поля как систему зависимостей его единиц в направлении от ядра, через семантические классы к периферии. Одновременно это даст возможность объективно интерпретировать поле и как парадигму, и как синтагму, т. е. в пересечении этих измерений языка.

Семантическое поле «социальная значимость» является объектом особого внимания лингвистов, так как в последнее время знание об обществе и его свойствах, категоризации и стратификации, развивается особенно быстро, в речи появляется все больше слов, способных охарактеризовать социальное положение человека. В настоящем исследовании в качестве элементов поля «социальная значимость» взяты слова, отображающие оценочную интерпретацию значимости того или иного явления с точки зрения социума.

В основные задачи исследования входили:

- дефиниционный анализ исследуемых лексем с целью поиска центральных компонентов их значений (при помощи академических толковых словарей русского («Большой толковый словарь русского языка» [БТС 2000]), британского английского (Collins Dictionary¹, далее — CoD) и американского английского (Merriam-Webster², далее — MW) языков);
- выявление контекстов употребления, в том числе коллокативных, и анализ синтагматических и парадигматических отношений компонентов семантического поля «социальная значимость» на базе данных Национального корпуса русского языка³ (далее — НКРЯ; использовался подкорпус периода с 1980 по 2000 г. — для возможности сопоставления с Британским национальным корпусом (British National Corpus⁴, далее — BNC)), а также коллекции русскоязычных корпусов на ресурсе Университета г. Лидс, BNC (тексты периода с 1980 по 2000 г.; корпус статический: последние значимые изменения в нем датированы 2001-м, предпоследние — 1994 г.), Корпус современного американского английского языка (Corpus of Contemporary American English⁵, далее — COCA; использовался подкорпус периода с 1980 по 2000 г. — для возможности сопоставления с BNC), а также больших (big data, gigaword) веб-корпусов семейства «Аранеум» (Araneum Anglicum II Maximum⁶, далее — ААII); Araneum Russicum III Maximum⁷, далее — АРИИ; они отражают наиболее современное состояние языков);
- составление частотных списков слов — синонимов, гиперонимов с привлечением статистических показателей частотных словарей и корпусов (частот-

¹ <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/> (дата обращения: 02.07.2019).

² <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 02.07.2019).

³ <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 12.12.2018).

⁴ <https://www.kilgarriff.co.uk/bnc-readme.html> (дата обращения: 02.07.2019).

⁵ <https://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 02.07.2019).

⁶ http://ucts.uniba.sk/aranea/run.cgi/corp_info?corpname=AranAngl_a&struct_attr_stats=1&subcorpora=1 (дата обращения: 02.07.2019).

⁷ http://ucts.uniba.sk/aranea/run.cgi/corp_info?corpname=AranRusi_a&struct_attr_stats=1&subcorpora=1 (дата обращения: 02.07.2019).

ный словарь BNC [Leech et al. 2001]; «Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)» [Ляшевская, Шаров 2009], далее — ЧССРЯ));

- анализ ассоциативной структуры некоторых лексем по данным «Русского ассоциативного словаря» (далее — РАС) [Караулов и др. 2002];
- вывод о репрезентации (качественной и количественной) семантического поля в трех языках;
- вывод о причинах сходства и различия ментальных тезаурусов разных народов (национальной картины мира).

Анализ функционирования элементов *статус/status* семантического поля «социальная значимость» в русском, британском английском и американском английском языках

Анализ выбранных лексем в связи с означенной тематикой следует начать с приведения их кодифицированных дефиниций:

Статус -а; м. (лат. status) 1. Офиц. Совокупность прав и обязанностей гражданина или юридического лица. *С. зоны свободного предпринимательства. Дипломатический с. С. независимости государства.* 2. Положение, состояние. *Его с. в коллективе достаточно высок. Иметь с. доктора наук. Прошу уважать мой с. Социальный с.* В статусе кого-чего. в зн. предлога. В качестве, в роли кого-, чего-л. *Область в статусе зоны особого подчинения. Работать в статусе научного сотрудника* [БТС 2000: 1263];

Status — 1. a social or professional position, condition, or standing to which varying degrees of responsibility, privilege, and esteem are attached; 2. the relative position or standing of a person or thing; 3. a high position or standing; prestige; 4. the legal standing or condition of a person; 5. a state of affairs⁸. («**Статус** — 1. социальная и профессиональная позиция, условия или состояние, для которых имеет место разная степень ответственности, привилегий и общественной оценки; 2. позиция или положение человека или вещи; 3. высокая социальная позиция, престиж; 4. юридическая позиция или юридическое положение лица; 5. состояние дел».);

Status — noun, often attributive, plural statuses. 1: a: position or rank in relation to others; the status of a father; b: relative rank in a hierarchy of prestige, especially: high prestige; 2: the condition of a person or thing in the eyes of the law; 3: state or condition with respect to circumstances; the status of the negotiations⁹. («**Статус** — 1: a: позиция или ранг по отношению к другим; b: уровень престижа; 2: юридическое положение человека или вещи; 3: состояние или позиция в связи с обстоятельствами; статус переговоров».)

Элементы *статус/status* располагаются близ ядра поля «социальная значимость». Обратим внимание на когнитивные аспекты формирования семантики указанных единиц.

В основе концепции М. Вебера лежит мысль о том, что социальный «статус — это интегрированный показатель позиции субъекта или социальной группы в обществе как системе» [Вебер 1992: 21], положения в социальной иерархии. Престиж («социальное уважение», «репутация») является мерой, определяющей это положение.

⁸ <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/status> (дата обращения: 02.07.2019).

⁹ <https://www.merriam-webster.com/dictionary/status> (дата обращения: 02.07.2019).

Каждый статус предполагает для своих обладателей обязанности и возможности, и эти признаки оценивают в общественном мнении как показатели статуса — следовательно, наделяют престижем. Статус — это объективный, формальный показатель положения индивида, а престиж — скрытая, неформальная, психологическая характеристика. Престиж — способ дистанцирования статусов друг от друга, это способ идентификации субъектов внутри одного статуса [Там же].

Во всех трех языках статус соотносится в первую очередь с социальным явлением, семантика которого отражает результат категоризации социальных отношений: «**status** — an accepted or official position, especially in a social group» (Cambridge Dictionary)¹⁰ («**статус** — принятая или официальная позиция, в особенности в социальной группе») (релевантно для британского и американского английского); в русском языке социальный статус определяется как «соотносительная позиция индивида и группы, определяемая социальными признаками (экономическое положение, профессия, квалификация, образование и т. д.), природными признаками (пол, возраст и т. д.) и т. д.» [Черноволенко и др. 1979: 34].

Принимая во внимание то, что в трех языках синтагматическая сочетаемость слова *статус/status* с определением *социальный/social* является, судя по кодификации лексем, одной из центральных, т. е. статус в первую очередь ассоциируется с определенным положением в обществе, важно отметить различия, эксплицирующиеся в структуре дефиниций, а следовательно, и в семантике лексем *статус/status* в русском и английском (британском и американском) языках.

Итак, в британском английском языке социальный статус, среди прочего, неразрывно связан с уровнем ответственности (*degrees of responsibility*) его носителя, этот компонент позиционно главенствует в дефиниции. В русскоязычном определении социального статуса эта сема эксплицирована через семантическую структуру слова *обязанность*: «**обязанность** — и; ж. То, что входит в круг действий, поступков, обязательных для выполнения (согласно закону, общественным требованиям, внутреннему побуждению)» [БТС 2000: 695]; см. также: «**ответственность** — 2. Необходимость давать отчет в своих действиях, поступках и т. п.; **обязанность** (выделено нами. — Т. Р., А. Х.) отвечать за их возможные последствия» [Там же: 740]. Для сознания носителя американского английского, по кодифицированным данным, статус с ответственностью не связан, эта сема в семеме *status*, судя по дефиниции, отсутствует; статус в американском английском определяется внешними факторами (экономическими, биологическими и пр.) и их соотношением у разных представителей социальных групп.

Так уже на этапе собственно дефиниционного анализа выявляются несовпадения в культурном восприятии компонентов поля «социальная значимость» в русской, британской и американской лингвокультурах. Для американского сообщества характерно некоторое «овнешнение» понятия «статус»: статус показывает обществу, что представляет собой лицо, но не обуславливает его ответственность перед этим обществом. По данным академических словарей, для британской и русской лингвокультур характерно связывание статуса с ответственностью его носителя; в кодифицированном американском английском данная тенденция не наблюдается.

¹⁰ <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/status> (дата обращения: 02.07.2019).

Тем не менее, исходя из данных о русскоговорящей языковой личности, отраженных в РАС, в картине мира носителя русского языка посредством ассоциативных связей слово *статус* соотносится в первую очередь со статусом, обусловленным материальным положением и собственно положением лица в обществе, его должностью, образованием, национальностью и т. д., а не с ответственностью, налагаемой занимаемым положением. Вывод сделан на основе анализа появления реакции *статус* на различные стимулы: в словаре обнаружено 12 стимулов, вызвавших реакцию *статус* в качестве ассоциации; наиболее частотными стимулами для реакции *статус* стали лексемы *материальный*, *национальный*, *общественный* [Караулов и др. 2002].

В русскоязычной культуре с течением времени происходит актуализация понятия «статус». Так, по данным НКРЯ, частотность употребления слова *статус* неуклонно растет в период с 80-х гг. XX в. (до 1970-х гг. корпус не дает данных об употреблении его в художественной литературе; в публицистике частота его использования очень низка), пик использования этого слова в России, по данным НКРЯ, приходится на 1999–2000 гг., далее оно употребляется менее активно (рис. 2, см. также табл. 1).

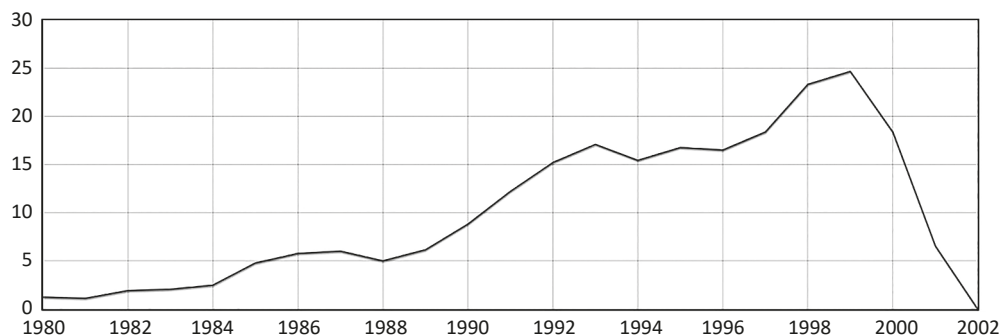

Рис. 2. Статистическое распределение употреблений слова *статус* в русскоязычных текстах по данным НКРЯ. Источник: <http://www.ruscorgora.ru/> (дата обращения: 12.12.2018)

Таблица 1. Статистическое распределение употреблений слова *статус* в русскоязычных текстах по данным ЧССРЯ

Лемма	Ipm*	Художественная литература			Публицистика		
		1950–1960-е	1970–1980-е	1990–2000-е	1950–1960-е	1970–1980-е	1990–2000-е
Статус	55,1	0,0	2,2	13,0	5,9	9,2	84,9

* Количество употреблений на миллион словоформ (instance per million).

Интересно, что иные элементы, входящие в семантическое поле «социальная значимость» и вступающие со словом *статус* в отношения частичной или контекстуальной синонимии, употребляются в означенный период чаще, чем лексема *статус*. Так, по данным ЧССРЯ [Ляшевская, Шаров 2009], слово *образ* употребляется в восемь раз чаще лексемы *статус* (количество употреблений на миллион словоформ, instance per million (ipm) = 445,9), слово *состояние* — в пять раз

(ipm = 294,4), слово *положение* (наиболее приближенное по значению к лексеме *статус*) — в четыре раза (ipm = 268,2). Такое частотное распределение мотивировано в первую очередь двумя факторами: 1) для русского языка слово *статус* является заимствованным, поэтому используется реже, чем его исконный для языка синоним *положение*; 2) лексико-грамматическая сочетаемость, валентность слов *образ, состояние, положение, статус* различна (языковая валентность первых трех единиц шире, чем слова *статус*).

Тем не менее за последнее десятилетие ситуация несколько изменилась. В соответствии со статистикой АРИИ, включающего в себя 19 млрд словоупотреблений, лексема *образ* более частотна, чем слово *статус*, по состоянию на июль 2019 г. уже не в восемь, а в шесть раз (для *статус* ipm = 79,7; для *образ* ipm = 485,6); *состояние* — не в пять, а в четыре с половиной раза (ipm = 364,2); *положение* — не в четыре, а в два с половиной раза (ipm = 225,8). Данная статистика говорит о движении элемента поля *статус* к центру семантического поля «социальная значимость»; именно социальный статус с присущим ему значением и коннотациями становится наиболее актуальным для носителей русской лингвокультуры. Интересно, что относительная частота употребления слова *статус* как части семантического поля «социальная значимость» в современном русскоязычном дискурсе приближается к относительной частоте употребления лексемы *status*, являющейся центральным элементом поля «social significance» («социальная значимость») в английском: для *status* ipm = 87,7 (по данным ААИ).

В период с 1980 по 2000 г., по данным НКРЯ, слово *статус* наиболее часто употребляется в публицистическом дискурсе, т. е. в периодических изданиях, в тематической связи с освещением именно социальных и национальных вопросов:

- *Военные расходы Соединенных Штатов, заявил он, отражают статус сверхдержавы*¹¹ — национальная тематика;
- *Не спас это уникальное место и статус государственного заказчика*¹² — социальная тематика.

Второе место по статистике употребления лексемы *статус* занимает т. н. художественная проза учебно-научного дискурса, где слово *статус* используется в терминологическом значении, напр.: *актантный или сирконстантный статус, зависит от семантики конкретного предиката*¹³. Велик также процент использования слова *статус* в художественной речи; в этом дискурсе анализируемая лексема в основном имеет социальную отнесенность: *В восемнадцатом веке это указывало на недостаточно высокий статус жильца*¹⁴.

Третье место по частоте использования слова *статус* в различных грамматических формах занимает официально-деловая речь, далее следует церковно-богословский дискурс, затем — реклама; встречается лексема *статус* и в производственно-технической сфере (табл. 2).

¹¹ Данные НКРЯ: 1995, «Общая газета», Ю. Устименко, «Американское «дитя народа».

¹² Данные НКРЯ: 1992, «Комсомольская правда», В. Нелюбин, «Тунгусский метеорит приватизирован».

¹³ Данные НКРЯ: 1999, М. В. Филипенко. Об адвербиалах с плавающей и фиксированной сферой действия (к вопросу об актантах и не-актантах предиката).

¹⁴ Данные НКРЯ: 2000, М. Баконина, «Девять граммов пластита».

Таким образом, чаще всего слово *статус* используется авторами статей (221 источник из 589), мемуаров (46 источников) и романов, в основном детективных (55 источников).

Таблица 2. Статистическое распределение лексики *статус* по сферам употребления в русскоязычном лингвокультурном сообществе по данным НКРЯ

Значение	Найдено документов	Найдено словоформ	
		Кол-во	%
Публицистика нехудожественная	367	742	54,84
Учебно-научная нехудожественная	82	258	19,07
Художественная	101	194	14,34
Официально-деловая нехудожественная	23	128	9,46
Церковно-богословская нехудожественная	8	22	1,63
Реклама нехудожественная	7	8	0,59
Производственно-техническая официально-деловая нехудожественная	1	1	0,07

Перейдем к информации о структуре рассматриваемого семантического поля, которую можно получить с помощью анализа коллокативной природы слова *статус* в русском языке. Коллокации слова *статус* были проанализированы с помощью ресурса «A query to Russian corpora» (далее — QRC) С. А. Шарова¹⁵, размещенного на сайте Университета г. Лидс. При анализе были элиминированы пунктуационные знаки и служебные части речи, коллокации отсортированы по мере ассоциативной связанности T-score, наиболее подходящей для анализа сочетаемостной природы общеупотребительной, неспециализированной лексики: «...она (T-score. — Т. Р., А. Х.), в первую очередь, выделяет коллокации с очень частотными словами-коллокатами» [Захаров, Хохлова 2010: 141]). Результаты распределения коллокаций подтверждают основную дифференциальную характеристику лексики *статус*, выделенную для русского языка на основе дефиниционного анализа, — положение компонента ‘социальная природа’ в семантической структуре слова *статус* как одного из ведущих.

Тем не менее появляются дополнительные параметры, позволяющие определить значение слова *статус* в составе семантического поля «социальная значимость». В языке активно актуализируется компонент, связанный со сферой права; появляются дополнительные характеристики, релевантные для анализируемой лексики, как то: объект обладания (*статус* как объект обладания), образ говорящего, политическая и правовая терминология, политика в целом (табл. 3).

В отличие от русского языка, где слово *статус* нечасто используется в середине XX в., лексема *status* в английском языке, по данным CoD, начинает достаточно активно употребляться уже в начале века; в анализируемый период (конец XX в.:

¹⁵ A query to Russian corpora. Interface by S. A. Sharoff. <http://corpus.leeds.ac.uk/ruscorpor.html> (дата обращения: 03.08.2019).

1980–2000 гг.) она неуклонно растет; пик ее использования приходится на 2000 г. (частота использования с 7,60 единиц в 1960 г. возросла более чем в два раза, до 17,81 единиц, в 2000 г.). Следует отметить, что лексема *status* активно используется в англоязычном мире и по сей день, частотность ее употребления растет (рис. 3).

Таблица 3. Коллокации слова *статус* для русского языка по данным QRC

Коллокация	Значение меры T-score
<i>статус</i> ~~ <i>иметь</i>	14,82
<i>статус</i> ~~ <i>получить</i>	13,23
<i>статус</i> ~~ <i>социальный</i>	10,64
<i>статус</i> ~~ <i>свой</i>	10,59
<i>статус</i> ~~ <i>официальный</i>	8,40
<i>статус</i> ~~ <i>правовой</i>	7,98
<i>статус</i> ~~ <i>его</i>	7,86
<i>статус</i> ~~ <i>особый</i>	7,63
<i>статус</i> ~~ <i>государственный</i>	7,59
<i>статус</i> ~~ <i>высокий</i>	7,08
<i>статус</i> ~~ <i>этот</i>	6,96
<i>статус</i> ~~ <i>приобрести</i>	6,22
<i>статус</i> ~~ <i>международный</i>	6,19
<i>статус</i> ~~ <i>получать</i>	6,03
<i>статус</i> ~~ <i>их</i>	5,83
<i>статус</i> ~~ <i>беженец</i>	5,83
<i>статус</i> ~~ <i>юридический</i>	5,80
<i>статус</i> ~~ <i>новый</i>	5,80
<i>статус</i> ~~ <i>обрести</i>	5,73

View usage for:

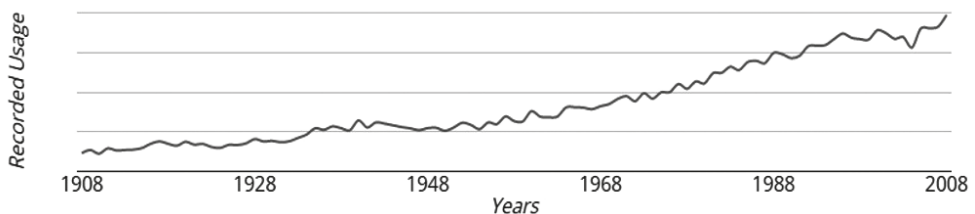

Рис. 3. Статистическое распределение употребления слова *status* для английского языка; частота использования по данным CoD. Источник: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/status> (дата обращения: 03.08.2019)

Важно, что в CoD слово *status* маркируется как входящее в 1000 наиболее употребительных слов, что говорит о его высокой валентности в английском языке.

Итак, на первом этапе сравнения следует сделать вывод о том, что для англоязычной картины мира понятие *status* более характерно, традиционно, чем для русскоязычной. Тем не менее для современного русскоязычного лингвокультурного сообщества характерна тенденция актуализации лексемы *статус* в составе семантического поля «социальная значимость».

Что касается использования этого слова в коммуникации в британском английском языке, то оно чаще всего встречается в научной сфере (сюда относятся научные публикации в области законодательства, медицины, гуманитарных и социальных наук, инженерии и пр.). На втором месте по частотности употребления слова *status* находится дискурс неакадемической, ненаучной прозы, включающий тексты на тему искусства, медицины, инженерии, социологии и законодательства. В разнородном блоке текстов, объединенных в подкорпус «MISC» корпуса BNC, анализируемая лексема наиболее часто появляется в университетских эссе, официальных отчетах и документах администрирования. Реже всего лексема *status* встречается в художественной литературе, что отличается от ситуации русскоязычного дискурса (табл. 4). (Для русскоязычной же художественной литературы (современных романов, детективов) статус как социальное явление очень актуален, средне-статистическому читателю интересно и важно, каков статус у героев читаемой книги, как они позиционируются в обществе, что свидетельствует об опосредованной актуализации важности социального положения лица для общества.)

Таблица 4. Статистическое распределение лексемы *status* по сферам употребления в англоязычном (британском) лингвокультурном сообществе по данным BNC

Разделы	Во всем корпусе	Разговорный подкорпус	Художественная литература	Журнальный корпус	Газетный корпус	Не связанный с наукой подкорпус	Научный подкорпус	Смешанный подкорпус (различных жанров)
Абсолютная частота	9061	259	253	381	627	2307	3138	2096
Количество слов, объем корпуса (млн)	100	10,0	15,9	7,3	10,5	16,5	15,3	20,8
Средняя относительная частота (ipm)	90,61	25,99	15,90	52,46	59,91	139,86	204,67	100,60

В британской художественной речи такая актуализация отсутствует. Напротив, имеется косвенное, контекстуальное усиление семы 'ответственность' посредством использования слова *status* как части контента, связанного с законодательством, наукой, официальными документами и пр., с одной стороны, и контекстуальная актуализация социальной природы статуса в научной и публицистической средах — с другой. В научных работах и публицистических статьях чаще всего ре-

презентируется (исходя из контекста) именно семантика социальности. Одновременно в университетских эссе, занимающих немалую долю текстового содержания корпуса, этот элемент функционирует исключительно в связи с геополитическим дискурсом, легитимностью и, что неожиданно, Российской Федерацией:

A woman does, as she gets older, achieve a certain **status** in the joint family, particularly if she has had sons. Younger men must show their respect for her and obey her. She can treat younger women or women without **status** (like her husband's widowed sisters) as she likes¹⁶;

Kochan supports this view about the economic burden of industrial development and points out that 'industrial development and its implications... were the most potent challenge to the **status quo**. Russian society became increasingly more diverse and isolated from the state¹⁷.

На следующем этапе анализа рассматриваемой лексемы выявляются ее коллокации как средство реализации тех или иных компонентов значения (табл. 5). Встроенный инструмент поиска коллокатов BNC использует меру ассоциативности (Mutual Information — MI):

Мера MI, возможно, дает наилучшие усредненные результаты. Она позволяет выделить устойчивые фразеологизированные словосочетания, а также сочетания, где в качестве коллокатов выступают имена собственные, а также низкочастотные специальные термины [Захаров, Хохлова 2010: 141].

Таблица 5. Коллокации слова *status* для английского языка (по данным BNC).
Источник: [Захаров, Хохлова 2010: 141]

№	Коллокат	MI	№	Коллокат	MI
1	Quo	11,18	11	Higher	3,90
2	Social	3,73	12	Equal	4,98
3	Low	4,51	13	Software	4,38
4	High	3,29	14	Current	3,76
5	Marital	9,00	15	Professional	3,88
6	Trust	5,09	16	Employment	3,89
7	Legal	4,66	17	Maintain	4,80
8	Health	3,56	18	Lower	3,59
9	Change	3,06	19	Observer	6,43
10	Special	3,49	20	Symbol	6,27

Из табл. 5 видим, что на вершине рейтинга сочетаемости в британском английском находится устойчивое сочетание *status quo* — понятийное сращение, относящееся к сфере политики, законодательства.

¹⁶ Данные BNC: 1988, Finding a voice: Asian women in Britain. London: Virago Press Ltd, Wilson, Amrit, Non-academic, social science.

¹⁷ Данные BNC: 1985–1994, unpublished University essays, MISC, political discourse.

Ресурс QRC не дает этой коллокации (в силу орфографии русского языка слова *статус-кво* и *статус* в нем разные), тем не менее в НКРЯ такая сочетаемость имеет место: в размеченном подкорпусе основного корпуса НКРЯ, используемом QRC, объемом 9952 документа и 50 746 455 слов лексема *статус-кво* (в том числе в неверном написании *статус кво*) встречается в 34 документах 48 раз (*ipm* = 0,95), в то время как наиболее распространенная атрибутивная коллокация *социальный статус* в НКРЯ появляется в 51 документе 66 раз (*ipm* = 1,3). Итак, для английского языка идиоматичное понятие *status quo* играет значительно более важную роль (*ipm* = 5,73), чем *статус-кво* для русского. Связано это с разницей в значении указанных лексем. Так, в русском языке *статус-кво* — «1) Фактическое или правовое положение, существующее или существовавшее в какой-л. определенный момент (в международном праве). 2) разг. Любое положение чего-л. на какой-л. момент» [Ефремова 2000]. В английском языке *status quo* — «the state of affairs that exists at a particular time, especially in contrast to a different possible state of affairs» (CoD)¹⁸ («состояние дел, существующее в определенное время, в особенности в противопоставлении с иным возможным состоянием дел»); «the existing state of affairs» (MW)¹⁹ («существующее состояние дел»). Таким образом, для русского языка в основном актуализируется семантика, связанная с международным правом, а для английского — с каким бы то ни было положением дел, в том числе бытовым.

В британском английском, как и в русском, наиболее распространенным определением для *status/статус* становится прилагательное *social/социальный*, т.е. вновь подчеркивается общественная природа этого понятия. Далее картина разнится: для русского языка статус становится объектом обладания, связывается с правом (*правовой*), «я» говорящего (*свой*), становится официальным (*официальный*); в британском английском актуализируется высота статуса, его ранг (*low*), статус привязывается к семейному положению (*marital*) и только потом соотносится с законом (*legal*).

Что касается использования лексемы *status* в американском английском, следует отметить (по данным СОСА) схожую с британским английским языком тенденцию: наиболее частое словоупотребление — в академическом подкорпусе (следует заметить, что в СОСА входят тексты как собственно научные, так и учебные по разным дисциплинам). Важно, что в остальных подкорпусах использование этого слова значительно уступает в своей частоте академическому: во втором по частоте, газетном, подкорпусе частота употребления слова *status* ниже, чем в академическом, в три раза (табл. 6.).

Судя по контекстам употребления анализируемой лексемы в академическом подкорпусе, чаще всего она актуализирует смыслы, связанные с социальностью статуса (115 *Doing so equalizes the **social status** of offender²⁰; other means of affirming a victim's status (such as throwing a parade in her honor)*), его легитимностью (*regardless of that **person's legal status** as an agent or independent contractor*), т.е. репрезентируется сема 'закон/законность'; также для уточнения статуса в американском английском характерно использование различного рода определений, задающих те или иные социальные характеристики: *regardless of **immigration status**; Including demographic*

¹⁸ <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/status-quo> (дата обращения: 02.07.2019).

¹⁹ <https://www.merriam-webster.com/dictionary/status%20quo> (дата обращения: 02.07.2019).

²⁰ Здесь и далее примеры из СОСА.

Таблица 6. Статистическое распределение по сферам употребления лексемы *status* в англоязычном (американском) лингвокультурном сообществе по данным СОСА

Разделы	Весь корпус	Разговорный подкорпус	Подкорпус художественной литературы	Журнальный подкорпус	Газетный подкорпус	Академический подкорпус
Абсолютная частота	48 324	4324	2304	7357	7921	26418
Объем (под)корпуса (количество слов, млн)	577	116,7	111,8	117,4	113,0	111,4
Средняя относительная частота (ipm)	83,66	37,04	20,60	62,69	70,10	237,12

controls for gender, marital status, and number of children reduces the differential by nearly half, to 7.8 %. Важной особенностью американского академического дискурса является придание особого значения понятию «состояние здоровья» («health status»): *are reported to have poorer health status and higher rates of chronic illness; Assessment of county-level health status using data from the 2015 County Health Rankings and the 2015 Maine Shared Health; the change in health status, which is directly attributable to the procedure; statistics on patients' health status.* Таким образом, судя по контекстуальной встречаемости, одним из центральных семантических компонентов для лексемы *status* в американском английском является сема 'здоровье'. Это подтверждается и списком коллокаций для слова *status* в американском английском (табл. 7).

Таблица 7. Коллокации слова *status* для американского английского языка по данным СОСА

№	Коллокат	Значение меры MI	№	Коллокат	Значение меры MI
1	Quo	11,30	11	HIV	6,67
2	Socioeconomic	9,77	12	Low	3,54
3	Health	4,09	13	Employment	5,79
4	Social	4,04	14	Minority	5,32
5	Legal	5,52	15	Tax-exempt	9,76
6	Marital	9,33	16	Symbol	5,87
7	Current	4,28	17	Maintain	4,55
8	Economic	3,74	18	Celebrity	5,90
9	Immigration	5,81	19	Lower	3,12
10	Special	3,57	20	Functional	5,79

Так, коллокат *health* 'здоровье' для лексемы *status* 'статус' занимает третье место, уступив лишь устойчивому сочетанию (*status quo*) и определению *socioeconomic*. Коллокат *socioeconomic*, в свою очередь, с одной стороны, подчеркивает социаль-

ную природу статуса, с другой — добавляет по сравнению с британским английским дополнительную семантическую грань — компоненту 'экономика, деньги/доход'. Указанные особенности фрагмента *status* семантического поля «социальная значимость» очень примечательны как маркеры различия культурных акцентов. В то время как для британского сознания со статусом в первую очередь связана социальная ответственность, в том числе перед законодательством, для американской ментальности важнее аспект статуса, связанный с экономикой и здоровьем; ситуация в русскоязычном лингвокультурном сообществе более сходна с британской ментальностью.

Результаты исследования

Итак, в статье сопоставлены русскоязычная и англоязычная терминологические школы, по-разному трактующие понятия полевого подхода к анализу лексики.

По данным словарей и корпусов, а также статистической информации определен состав семантического поля «социальная значимость» для фрагментов, связанных с узлами *status/status*, в русском и английском (британском и американском) языках. На основе структурирования семантического поля в выбранных слотах сделаны некоторые выводы о различиях в языковой картине мира трех культур: русской, британской и американской.

Для семантического поля «социальная значимость» в русскоязычной картине мира центральным элементом, ядром поля является лексема *образ*, близко к ядру располагаются слова *состояние* и *положение*. В некоторой удаленности от ядра находятся лексемы *статус*, *престиж*, *имидж* (рис. 4). Лексемы *престиж*, *имидж* и их статистические распределения в рамках поля «социальная значимость» были проанализированы подобно лексеме *статус*; вывод об их позиции в составе поля сделан на основе качественного и количественного исследования. Мотивирована такая позиция тем, что для русского языка слова *образ*, *состояние*, *положение* — исконные, *статус* же — заимствованное, традиция его употребления не успела сложиться настолько, чтобы лексема могла занять центр поля. Активное употребление иностранных лексем для наименования компонентов поля «социальная значимость» в русском языке началось с 80-х гг. XX в., в то время как в английском языке (и в Британии, и в Америке) слово *status* активно употреблялись уже в 50-е гг. XX в. В английском языке освоение этой лексемы началось значительно раньше, чем в русском, поэтому именно она стала ядром поля «social significance» («социальная значимость»). Важной тенденцией является то, что на современном этапе развития русского языка и общества лексема *статус* продвигается к ядру семантического поля «социальная значимость»; она актуализируется в языке, приобретая все больше значений и становясь более употребимой в разных дискурсах, в том числе в обиходно-бытовом.

В русском языке для узла семантического поля «социальная значимость», детерминируемого лексемой *статус*, характерна структура, в состав которой входят лексико-семантические группы «социум/социальность», «ответственность», «образ говорящего», «принадлежность субъекту речи». В рамках лексико-семантической группы «социум/социальность» наиболее разветвленную реализацию находят подгруппы «национальная отнесенность» и «законодательство/право» (с цен-

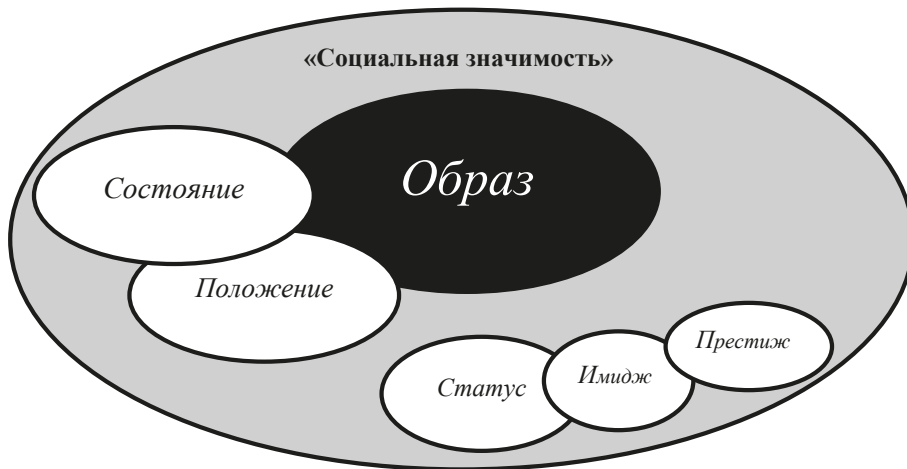

Рис. 4. Структура семантического поля «социальная значимость» для русского языка

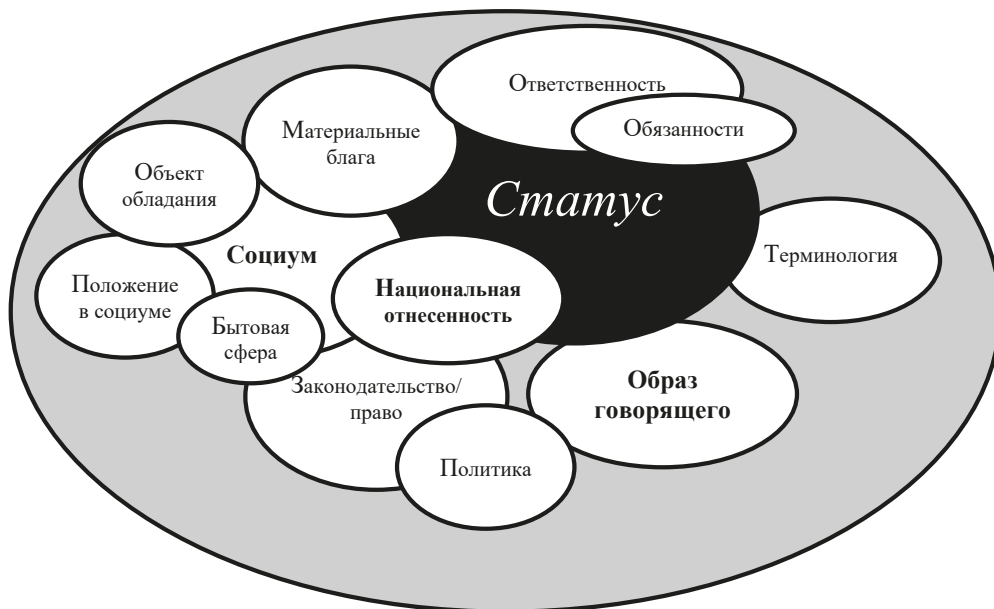

Рис. 5. Семантическая структура узла семантического поля «социальная значимость», детерминированного словом *статус*, для русского языка

тральными компонентами значения ‘международное право’ и ‘сфера политики’). Важно, что о статусе в русскоязычном лингвокультурном сообществе часто идет речь в бытовой сфере (о чем свидетельствуют тексты романов и нехудожественной прозы), он связывается с материальными благами и положением в обществе. Велик узкотерминологический спектр использования слова *статус* в русском языке (рис. 5).

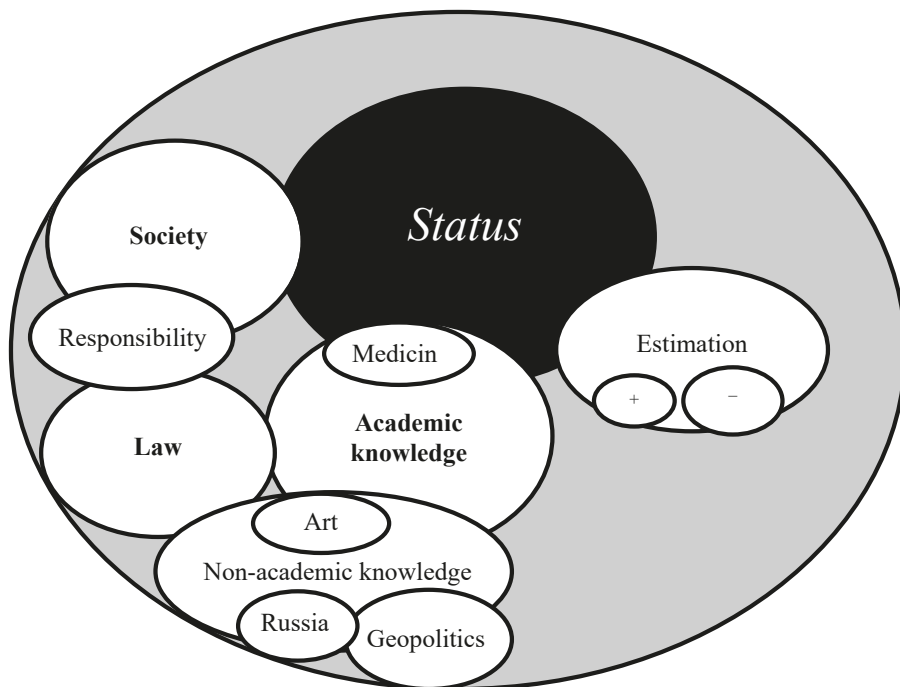

Рис. 6. Структура узла семантического поля «социальная значимость», детерминированного словом *status*, для британского английского языка

Итак, аутентичной особенностью структурирования семантики узла *status* для русскоязычного семантического поля «социальная значимость» является наличие лексических подгрупп «национальная отнесенность», «терминология», а также актуализация социального и материального статуса в бытовой сфере жизни общества.

В британском английском узел *status* семантического поля «social significance» («социальная значимость»), как и в русском, в первую очередь включает в свой состав лексико-семантическую группу «социум/социальность»; в рамках данной лексико-семантической группы функционально наиболее значима подгруппа «закон/законодательство». Эксплицируется также сема 'ответственность' ('responsibility'). Слово *status* в британском варианте английского языка практически не употребляется в бытовой сфере, основной процент словоупотреблений приходится на академические и учебные работы различных направлений, в том числе труды по геополитике, в которых нередко упоминание Российской Федерации в свете исторических и современных событий. Национально маркированной для британского английского является также подгруппа «оценка» в семантике узла *status* (рис. 6).

В американской культуре систематизация семантики узла *status* в рамках семантического поля «социальная значимость» сходна с британским вариантом за исключением аутентичной подгруппы «здоровье», актуализируемой в американской языковой картине мира очень интенсивно. Отлично от британского варианта структурируется лексико-семантическая группа «оценка»: основными компонентами в ней для американского английского являются компоненты значения с семан-

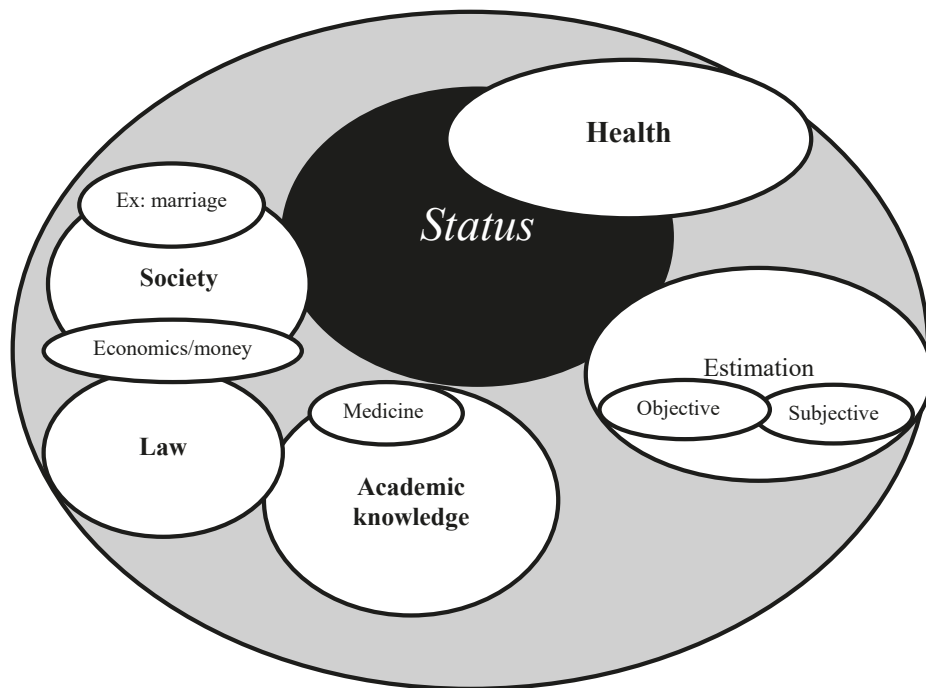

Рис. 7. Структура узла семантического поля «социальная значимость», детерминированного словом *status*, для американского английского языка

тикой объективной и субъективной оценки в отличие от британской положительной и отрицательной. Важно, что в американской культуре, так же как и в русской, для слова *статус* большую актуальность получает компонент значения 'деньги/достаток', а вот сема 'ответственность' ('responsibility') не актуализирована (рис. 7).

Итак, основными дифференциальными характеристиками для анализируемых сквозь призму состава семантического поля «социальная значимость» языковых картин мира, отраженных в русском, британском и американском английском языках, являются следующие черты:

- для русской картины мира:
 - 1) исконная (а не заимствованная) русская лексема *образ* как ядро семантического поля, с одной стороны, и тенденция к продвижению заимствованной лексемы *статус* к центру поля — с другой;
 - 2) лексико-семантическая группа «социум/социальность» во главе семантической структуры узла *статус*;
 - 3) сема 'ответственность' как часть структуры значения лексических компонентов лексико-семантической группы «социум/социальность»;
 - 4) лексико-семантические группы «субъектная отнесенность», «национальная отнесенность» как аутентичные подгруппы для семантики узла *статус*;
 - 5) актуализация семы 'деньги/достаток' в рамках семантики узла *статус*;

- для британской картины мира:
 - 1) лексико-семантическая группа «социум/социальность» во главе семантической структуры узла *status*;
 - 2) сема 'ответственность' ('responsibility') как часть структуры значения лексических компонентов лексико-семантической группы «социум/социальность»;
 - 3) оценочные коннотации при упоминании узла *status* (положительная/отрицательная оценка статуса);
- для американской картины мира:
 - 1) лексико-семантическая группа «социум/социальность» во главе семантической структуры слова *status*;
 - 2) отсутствие семы 'ответственность' ('responsibility') как части структуры значения лексических компонентов лексико-семантической группы «социум/социальность» в значении узла *status*;
 - 3) реализация субъективной и объективной оценки при характеристике статуса;
 - 4) актуализация семы 'деньги/достаток' в рамках семантики узла *status*;
 - 5) аутентичная лексико-семантической группа «здоровье».

Таким образом, русские, говоря о статусе, подразумевают его социумную природу, соотносят его, с одной стороны, с ответственностью его обладателя, с собой, в том числе актуализируя семантику, связанную с достатком, денежным благополучием, а с другой — с национальной принадлежностью, со своей страной. Британцы и американцы так же, как и русские, понимают статус как явление социальное; первые актуализируют ответственность, которую накладывает на его носителя тот или иной статус, оценивая его с положительной/отрицательной стороны; вторые не связывают статус с ответственностью, обращая большее внимание на материальную сторону его экспликации, оценивая статус объективно/субъективно. Аутентичной характеристикой понимания статуса для американцев становится связь его со здоровьем.

Выводы

Итак, результаты исследования, изложенные в настоящей статье, служат доказательством релевантности использования контаминации традиционного и корпусного подходов к анализу семантики элементов семантических полей в разных языках. Дефиниционные методы анализа дают точку отсчета исследователю, задают оси координат, давая представление об основном значении лексем. Корпусные и иные компьютерные методы позволяют найти наиболее актуальные, отраженные в языке современности компоненты значения тех или иных единиц, расширяя семантические границы исследуемого понятия. Указанный постулат справедлив для любого языка, для которого возможно создать национальный корпус и использовать технологии сбора большого массива данных (краулинг и подобные алгоритмы) для сбора информации о «сиюминутном» состоянии языка.

Использование методов корпусной и, шире, компьютерной лингвистики позволяет не только точно определить структуру выбранного семантического поля, но и собрать некоторую информацию для анализа национальной ментальности.

Словари

- БТС 2000 — *Большой толковый словарь русского языка: А–Я*. Кузнецов С. А. (сост., гл. ред.). СПб.: Норинт, 2000. 1536 с. <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 12.12.2018).
- Ефремова 2000 — Ефремова Т. Ф. *Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный*: в 2 т. М.: Рус. язык, 2000. 1084 с. <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 02.07.2019).
- Караулов и др. 2002 — Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. и др. *Русский ассоциативный словарь*: в 2 т. М.: АСТ; Астрель, 2002. <http://www.tesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 12.12.2018).
- ЛЭС 1990 — *Лингвистический энциклопедический словарь*. Ярцева В. Н. (гл. ред.). М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с. <http://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения: 12.12.2018).
- Ляшевская, Шаров 2009 — Ляшевская О. Н., Шаров С. А. *Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)*. М.: Азбуковник, 2009. 1087 с. <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 03.07.2019).

Учебники

- Кузнецова 1989 — Кузнецова Э. В. *Лексикология русского языка: учебное пособие для филологических факультетов университетов*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 216 с.

Литература

- Вайсгербер 1993 — Вайсгербер Й. Л. *Родной язык и формирование духа*. Пер. с нем., вступ. ст., коммент. О. А. Радченко. М.: УРСС, 1993. 229 с.
- Васильев 1971 — Васильев Л. М. Единицы семантической системы языка. В кн.: *Вопросы семантики: тезисы докладов*. М.: Высшая школа, 1971. С. 44–47.
- Вебер 1992 — Вебер М. Класс, статус и партия. В кн.: *Социальная стратификация*. Белановский С. А. (отв. ред.). Вып. 1. М.: Ин-т народно-хоз. прогнозирования РАН, 1992. С. 19–38.
- Вежбицкая 1999 — Вежбицкая А. *Семантические универсалии и описание языков*. М.: Языки русской культуры, 1999. 776 с.
- Гак 1977 — Гак В. Г. *Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков)*. М.: Международные отношения, 1977. 265 с.
- Глагол 1990 — *Глагол в системе языка и речевой деятельности: материалы научной лингвистической конференции: посвящается памяти Э. В. Кузнецовой*. Бабенко Л. Г. и др. (ред.). Свердловск: Уральск. гос. ун-т, 1990. 157 с.
- Захаров, Хохлова 2010 — Захаров В. П., Хохлова М. В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке. В кн.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Т. 9 (16): Труды Международной конференции «Диалог — 2010». Бекасово, 26–30 мая 2010 г. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2010. С. 137–143.
- Звегинцев 1957 — Звегинцев В. А. *Семасиология*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. 322 с.
- Караулов 1976 — Караулов Ю. Н. *Общая и русская идеография*. М.: Наука, 1976. 354 с.
- Кузнецова 1978 — Кузнецова Э. В. О пересекающемся характере лексико-семантических групп слов. В кн.: *Семантика и структура предложения: лексическая и синтаксическая семантика: сборник статей*. Гарипова Н. Д. (отв. ред.). Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1978. С. 7–13.
- Попова, Стернин 2007 — Попова З. Д., Стернин И. А. *Семантико-когнитивный анализ языка*. 2-е изд., испр. и доп. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
- Порциг 1964 — Порциг В. *Членение индоевропейской языковой области*. Пер. с нем. Л. Ю. Брауде, В. М. Павлова, Десницкая А. В. (ред.). М.: Прогресс, 1964. 332 с.
- Супрун 1983 — Супрун В. И. О лексико-семантических группах слов. *Ruštínár*. 1983, (3): 4–6.
- Уфимцева 1968 — Уфимцева А. А. *Слово в лексико-семантической системе языка*. М.: Наука, 1968. 272 с.

- Филин 1993 — Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов. В кн.: Филин Ф. П. *Очерки по теории языкознания*. М.: Наука, 1993. С. 229–239.
- Черноволенко и др. 1979 — Черноволенко В. Ф., Оссовский В. Л., Паниотто В. И. *Престиж профессий и проблемы социально-профессиональной ориентации молодежи*. Киев: Наукова думка, 1979. 214 с.
- Щур 1974 — Щур Г. С. *Теория поля в лингвистике*. М.: Наука, 1974. 253 с.
- Bodenreider, McCray 2003 — Bodenreider O., McCray A. T. Exploring semantic groups through visual approaches. *Journal of Biomedical Informatics*. 2003, 36 (6): 414–432. <https://www.sciencedirect.com/> (дата обращения: 08.11.2018).
- Brinton 2000 — Brinton L. J. *The structure of modern English: A linguistic introduction*. Amsterdam; Philadelphia: University of British Columbia; John Benjamins, 2000. 335 p.
- Chunming, Bin 2013 — Chunming Gao, Bin Xu. The application of semantic field theory to English vocabulary learning. *Theory and Practice in Language Studies*. 2013, 3 (11): 2030–2035. <https://pdfs.semanticscholar.org/58e5/94d74a6ef6bf5610fa0de347334542e75575.pdf> (дата обращения: 12.12.2018).
- Kleparski, Rusinek 2007 — Kleparski G. A., Rusinek A. The tradition of field theory and the study of lexical semantic change. *Studia Anglica Resoviensia*. 2007, (4): 188–205.
- Leech et al. 2001 — Leech G., Rayson P., Wilson A. *Word frequencies in written and spoken English: Based on the British National Corpus*. London: Longman, 2001. 320 p. <http://ucrel.lancs.ac.uk/bncfreq/> (дата обращения: 22.03.2020).
- Lieb 1978 — Lieb H. On the notion of lexical field. *Linguistic Associations of Canada and the United States Lacus-forum*. 1978, (5): 66–80.
- Lyons 1977 — Lyons J. *Semantics*: in 2 vols. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 385 p.
- Majid 2015 — Majid A. Comparing lexicons cross-linguistically. В кн.: *The Oxford handbook of the word*. Taylor J. R. (ed.). Chapter 26. Oxford: Oxford Handbooks, 2015. <http://pubman.mpdl.mpg.de/pubman/item/escidoc:1662243:9/component/escidoc:2182753/Comparing-Lexicons-MAJID-final.pdf> (дата обращения: 12.11.2018).
- Zhou 2001 — Zhou W. A new research on English semantic field. *Journal of Beijing International Studies University*. 2001, 102: 30–35.

Статья поступила в редакцию 4 июля 2019 г.
Статья рекомендована в печать 16 декабря 2019 г.

Tatiana V. Romanova

Nizhny Novgorod Branch of the National Research University
“Higher School of Economics”,
30, Sormovskoe sh., Nizhny Novgorod, 603014, Russia
tvromanova@hse.ru

Anna Yu. Khomenko

Nizhny Novgorod Branch of the National Research University
“Higher School of Economics”,
30, Sormovskoe sh., Nizhny Novgorod, 603014, Russia
akhomenko@hse.ru

The functioning of the elements of the semantic field *social significance* in the Russian and English languages according to vocabulary and corpus sources*

For citation: Romanova T. V., Khomenko A. Yu. The functioning of the elements of the semantic field *social significance* in the Russian and English languages according to vocabulary and corpus sources. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2020, 17 (1): 49–73. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.104> (In Russian)

* The study was funded by RFBR, project RFBR No. 19-31-27001 “Linguistic modeling as a tool of text attribution”.

The goal of the research is to determine the location of the elements of a certain semantic field by integrating the results of traditional, including definitional, analysis methods and modern corpus-based approach to language research. In the study the scientists try to define the way the elements *cmamyc/status* are functioning in the semantic field “social significance” in Russian, British and American English according to dictionaries and corpora (The National Corpus of the Russian Language, the British National Corpus and the Corpus of Contemporary American English), as well as according to some other tools of computational linguistics, including Aranea Corpora. The aim of the study is to analyze the hypothesis that it is relevant to study elements of the semantic field in different languages through the use of a combination of traditional and innovative techniques. The working hypothesis was confirmed: it is the combination of traditional and innovative methods of analysis in the study of the structure of the semantic field that provides the most complete and objective results. Moreover, the features of the analyzed semantic field, identified in this manner, can be viewed as authentic markers in language pictures of different nations. As a result of the work, the structures of semantic fields *cmamyc/status* in Russian, British and American English were obtained and visualized.

Keywords: *cmamyc/status*, semantic field, social significance, national corpus of texts, big data corpora.

References

- Вайсгербер 1993 — Weisgerber J. L. *Native language and formation of the spirit*. Transl. from German, introd., comment. by O. A. Radchenko. Moscow: URSS Publ., 1993. 229 p. (In Russian)
- Васильев 1971 — Vasil'ev L. M. Units of the language's semantic system. In: *Voprosy semantiki*. Thesis of reports. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1971. P. 44–47. (In Russian)
- Вебер 1992 — Weber M. Class, status and party. In: *Sotsial'naya stratifikatsiia*. Belanovskii S. A. (ed.). Issue 1. Moscow: Institute of National Economic Forecasting of the RAS, 1992. P. 18–37. (In Russian)
- Вежицкая 1999 — Wierzbicka A. *Semantic universals and description of languages*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 776 p. (In Russian)
- Гак 1977 — Gak V. G. *Comparative lexicology (based on French and Russian languages)*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1977. 265 p. (In Russian)
- Глагол 1990 — *Verb in the system of language and speech activity: Materials of the scientific linguistic conference: Dedicated to the memory of E. V. Kuznetsova*. Babenko L. G. et al. (eds.). Sverdlovsk: Ural State University Press, 1990. 157 p. (In Russian)
- Захаров, Хохлова 2010 — Zaharov V. P., Khohlova M. V. Study of effectiveness of statistical measures for collocation extraction on Russian texts. In: *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. Vol. 9 (16): Trudy Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog — 2010». Bekasovo, 26–30 maiia 2010 g. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., 2010. P. 137–143. (In Russian)
- Звегинцев 1957 — Zvegintsev V. A. *Semasiology*. Moscow: Moscow State University Press, 1957. 322 p. (In Russian)
- Караулов 1976 — Karaulov Iu. N. *General and Russian ideography*. Moscow: Nauka Publ., 1976. 354 p. (In Russian)
- Кузнецова 1978 — Kuznetsova E. V. On the intersecting nature of lexical-semantic groups of words. In: *Semantika i struktura predlozheniia: leksicheskaia i sintaksicheskaia semantika*. Collected articles. Garipova N. D. (ed.). Ufa: Bashkir State University Press, 1978. P. 7–13. (In Russian)
- Кузнецова 1989 — Kuznetsova E. V. *Lexicology of the Russian language*. Textbook manual for philological faculties of universities. 2nd ed., rev. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1989. 216 p. (In Russian)
- Попова, Стернин 2007 — Popova Z. D., Sternin I. A. *Semantic and cognitive analysis of the language*. 2nd ed., rev. and exp. Voronezh: Istoki Publ., 2007. 250 p. (In Russian)
- Порциг 1964 — Porzig W. *Segmentation of Indo-European language family*. Transl. from German by L. Iu. Braude, V. M. Pavlov; Desnitskaia A. V. (ed.). Moscow: Progress Publ., 1964. 333 p. (In Russian)
- Супрун 1983 — Suprun V. I. On lexical-semantic word groups. *Ruštínár*. 1983, (3): 4–6. (In Russian)
- Уфимцева 1968 — Ufimceva A. A. *Word in the lexical-semantic system of language*. Moscow: Nauka Publ., 1968. P. 90–102. (In Russian)

- Филин 1993 — Filin F.P. On lexical-semantic word groups. In: Filin F.P. *Ocherki po teorii iazykoznaniiia*. Moscow: Nauka Publ., 1993. P.229–239. (In Russian)
- Черноволенко и др. 1979 — Chernovolenko V.F., Ossovskij V.L., Paniotto V.I. *Prestige of professions and issues of social education and career guidance for young people*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1979, 228 p. (In Russian)
- Шур 1974 — Shchur G.S. *Field theory in linguistics*. Moscow: Nauka Publ., 1974. 253 p. (In Russian)
- Bodenreider, McCray 2003 — Bodenreider O., McCray A.T. Exploring semantic groups through visual approaches. *Journal of Biomedical Informatics*. 2003, 36 (6): 414–432. <https://www.sciencedirect.com/> (access date: 08.11.2018).
- Brinton 2000 — Brinton L.J. *The structure of modern English: A linguistic introduction*. Amsterdam; Philadelphia: University of British Columbia; John Benjamins, 2000. 335 p.
- Chunming, Bin 2013 — Chunming Gao, Bin Xu. The application of semantic field theory to English vocabulary learning. *Theory and Practice in Language Studies*. 2013, 3 (11): 2030–2035. <https://pdfs.semanticscholar.org/58e5/94d74a6ef6bf5610fa0de347334542e75575.pdf> (access date: 12.12.2018).
- Kleparski, Rusinek 2007 — Kleparski G.A., Rusinek A. The tradition of field theory and the study of lexical semantic change. *Studia Anglica Resoviensia*. 2007, (4): 188–205.
- Leech et al. 2001 — Leech G., Rayson P., Wilson A. *Word frequencies in written and spoken English: Based on the British National Corpus*. London: Longman, 2001. 320 p. <http://ucrel.lancs.ac.uk/bncfreq/> (access date: 22.03.2020).
- Lieb 1978 — Lieb H. On the notion of lexical field. *Linguistic Associations of Canada and the United States Lacus-forum*. 1978, (5): 66–80.
- Lyons 1977 — Lyons J. *Semantics*: in 2 vols. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 385 p.
- Majid 2015 — Majid A. Comparing lexicons cross-linguistically. In: *The Oxford handbook of the word*. Taylor J.R.(ed.). Chapter 26. Oxford: Oxford Handbooks, 2015. <http://pubman.mpdl.mpg.de/pubman/item/escidoc:1662243:9/component/escidoc:2182753/Comparing-Lexicons-MAJID-final.pdf> (access date: 12.11.2018).
- Zhou 2001 — Zhou W. A new research on English semantic field. *Journal of Beijing International Studies University*. 2001, 102: 30–35.

Received: July 04, 2019

Accepted: December 16, 2019